

СОКРАТЪ

ДРАММА

СОЧИНЕНІЕ Г. ТОМПСОНА.

ИЗЪ ДѢЛЪ Г. ВОЛТЕРА.

Переводъ съ Французскаго

Н. К.

ВЪ САНКТПЕТЕРБУРГѢ
1780 года.

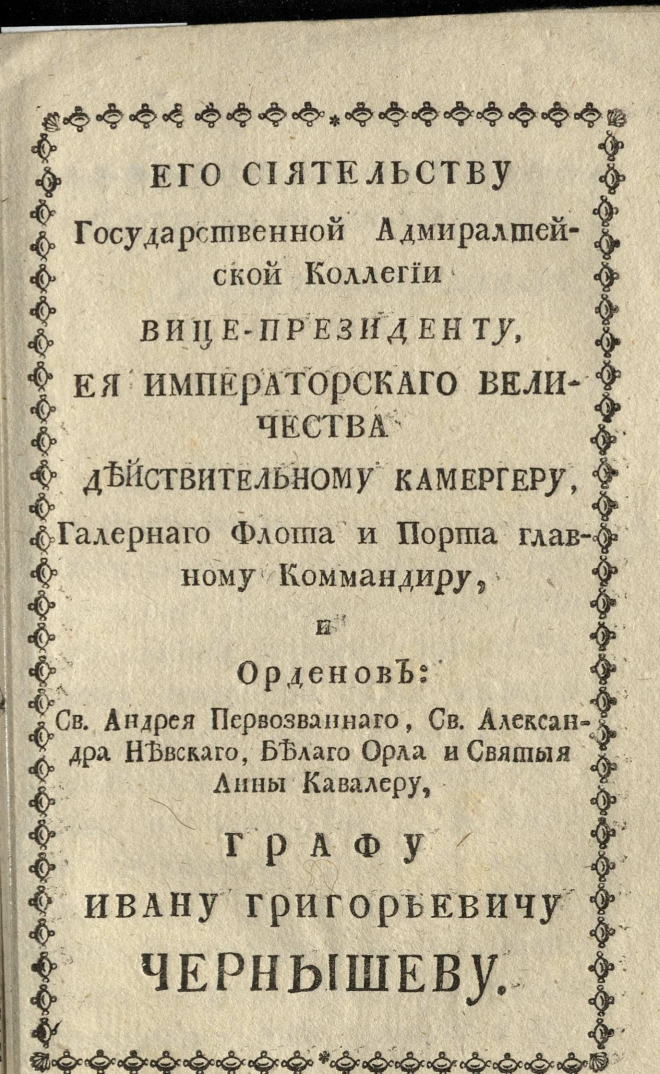

ДѢЙСТВУЮЩІЕ.

СОКРАТЪ.	
АНИТЪ,	Первосвященникъ Церерина храма.
МЕЛИТЪ,	Судья Афинской.
КСАНТИППА,	жена Сократова.
АГЛАЯ,	молодая Афинянка воспитанная Сократомъ.
СОФРОНИМЪ,	молодой Афинянинъ воспитанникъ Сократовъ.
ДРИКСА,	торговка, } Сообщники Анитовы.
ТЕРПАНДРЪ,	} Сообщники Анитовы.
АКРОСЪ,	} Сообщники Анитовы.
СУДЬИ.	
КРИТОНЪ,	и съ нимъ прочіе ученики Сократовы.

ГРАФІЮСЪ, ХОМОСЪ, и БЕРТИЛЛОСЪ, ученые невѣжды защищаемые Анитомъ.

Дѣйствіе въ Афинахъ.

ЕГО СІЯТЕЛЬСТВУ

Государственной Адмиралтейской Коллегіи

ВИЦЕ-ПРЕЗИДЕНТУ,

ЕЯ ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА

ДѢЙСТВИТЕЛЬНОМУ КАМЕРГЕРУ,

Галернаго Флота и Порта главному Коммандиру,

и

Орденовъ:

Св. Андрея Первозваннаго, Св. Александра Нѣвскаго, Бѣлаго Орла и Святыя Анны Кавалеру,

ГРАФУ

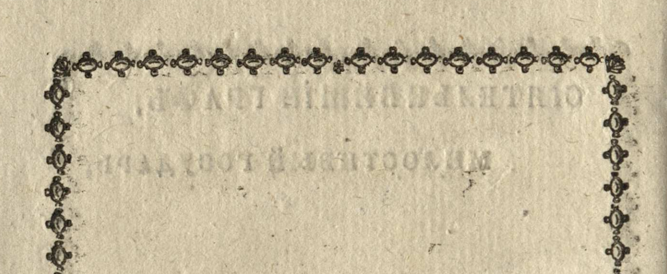
ИВАНУ ГРИГОРЬЕВИЧУ

ЧЕРНЫШЕВУ.

СІЯТЕЛЬНѢЙШІЙ ГРАФЪ,

МИЛОСТИВЫЙ ГОСУДАРЬ,

Исполненный благодарностію за благодѣянія къ себѣ Вашего Сіятельства, осмѣлился я, Милостивый Государь, приписать сей слабый переводъ имени Вашему, нижайше прося принять приношеніе мое знакомъ чистѣйшаго къ особѣ вашей усердія: но естьли бы и не былъ я побуждаемъ сими чувствованіями, то кому бы болѣе, какъ Вашему Сіятельству, могло принадлежать сочиненіе такого содержанія, гдѣ правота и безпристра-

пристрастіе души, гдѣ просвя-щеніе разума отъ предразсудковъ освобожденаго изображается, а злоупотребленіе и невѣжество суть осмѣенны и презрѣнны?

Съ глубочайшимъ почитаніемъ и преданностію есмь.

Сіятельнѣйшій Графъ,

Милостивый Государь,

Вашего Сіятельства.

Нижайшій слуга.

Н. К.

СОКРАТЪ

ДРАММА.

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ

ЯВЛЕНІЕ I.

АНИТЪ, ДРИКСА, ТЕРПАНДРЪ, АКРОСЪ.

АНИТЪ.

Любезная соучастница моихъ таинствъ, и вы преданныя мнѣ друзья! вы вѣдаете что немалой получили вы чрезъ

меня прибытокъ при послѣднемъ Цereриномъ праздникѣ; я вознамѣрился жениться, и уповаю, при семъ важномъ случаѣ, исполните вы по совѣсти свой долгъ.

ДРИКСА.

Нѣтъ сомнѣнія, святѣйшій отецъ; лишъ только постарайтесь промыслить намъ болѣе барыша.

АНИТЪ.

Мнѣ надобно, почтенная Дрикса, два персидскія ковра; отъ Терпандра ожидаю я двухъ серебреныхъ свѣтильниковъ, а ты Акросъ, одолжишъ шестью новыми ризами.

ТЕРПАНДРЪ.

ТЕРПАНДРЪ.

Многовато; однакожъ милостивой государь, ничего нѣтъ невозможнаго, чтобъ заслужить святое ваше покровительство.

АНИТЪ.

Убытокъ етотъ наградите вы сторицею. Сей ближайшій есть путь къ пріобрѣтенію благодати боговъ: щедро расточай имѣніе на храмы, щедро и воздан будеши. А наипаче надлежитъ возбуждати народъ противу всѣхъ етихъ великородныхъ вельможъ, которые рѣдко дѣлаютъ обѣты, и никогда не даютъ вкладу.

АКРОСЪ.

Сего то мы и не упустимъ; толь священная должность обязуетъ насъ сдержать свое слово.

АНИТЪ.

Идите, любезныя други; Боги да утвердятъ васъ въ сихъ истиннаго благоговѣнія мысляхъ, и не сомнѣнно уповайте, что вы, чады ваши, и чадъ вашихъ чады благодѣнствовать будете.

ТЕРПАНДРЪ.

Мы полагаемся на ваше обнадѣживаніе.

ЯВЛЕНІЕ II.

АНИТЪ, ДРИКСА.

АНИТЪ.

Ну, моя любезная Дрикса! ты

ты я чаю не погнѣваешься, что я женюсь на Аглаѣ; вить это любви моей къ тебѣ не уменшитъ, и мы будемъ видѣться по обыкновенію.

ДРИКСА.

И! святой отецъ, я отнюдъ не ревнива; лишъ бы дѣло шло своимъ чередомъ, такъ я не заспорю. Я пользовалась великою славою, когда имѣла честь быть въ числѣ вашихъ полюбовницъ; но ежели вы любите Аглаю, то извольте вѣдать, что и я сильно влюбилась въ молодова Софронима. Ксантипа жена Сократова обѣщала уже за меня его высватать: но какъ бы ни было, священство ваше преж-

нїя будетъ надо мною имѣть правы. То только мнѣ непрїятно, что етотъ молодой человѣкъ воспитанъ негоднымъ Сократомъ, и что Аглая въ его теперь рукахъ. Надобно скорѣе ихъ отъ него вырвать. Ксантиппа сама рада сбыть ихъ съ рукъ. Прекрасной мой Софронимъ, и прелѣстная ваша Аглая весьма въ дурныхъ рукахъ у Сократа.

АНИТЪ.

Я ласкаюсь, любезная Дрикса, что мы съ Мелитомъ постараемся погубить сего опаснаго человѣка, которой только добродѣтели и божество свое проповѣдуетъ, и которой осмѣлился подсмѣять нѣкоторыя об-

стоятельствы

стоятельствы случившіяся при совершеніи Цереринынъ таинствъ. Жаль только что Аглая въ его власти. Отецъ ея Агатонъ, сказываютъ оставилъ ей великое наслѣдство. Аглая прекрасна, я ее обожаю, хочу на ней жениться, и должно ласкать Сократа.

ДРИКСА.

Дѣлайте съ нимъ что вамъ угодно, лишъ бы достался мнѣ мой Софронимъ. Но я не понимаю, какъ могъ Агатонъ оставитъ дочъ свою во власти етого стараго хрыча, сего несноснаго враля Сократа, которой явно развращаетъ нравы молодыхъ людей, не допуская ихъ

 посѣщать

посѣщать ни честныхъ женъ, ни таинствъ священныхъ?

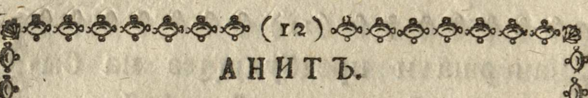
АНИТЪ.

Агатонъ зараженъ былъ тѣми же правилами; онъ былъ изъ числа сихъ важныхъ и напыщенныхъ сумозбродовъ, которые совсѣмъ розныя съ нами имѣютъ нравы; изъ людей другаго вѣка, другова отечества; одинъ изъ непримиримыхъ нашихъ враговъ, кои поставляютъ все исполненіе должностей своихъ въ почитаніи единаго божества, въ помощи бѣднымъ, въ пріобретеніи дружества, и ученіи своего любомудрія; одинъ изъ тѣхъ наглыхъ безбожниковъ, кои не вѣрятъ что Боги начер-

начертали предбудущее на бычачьей печени; изъ тѣхъ несмысленныхъ кривотолковъ, кои осуждаютъ духовной чинъ, въ приношенiи дѣвъ на жертву, или что они, смотря по обстоятельствамъ, препровождаютъ съ ними время. Такiя изверги достойны виселицы. Я бы желалъ удавить Сократа своими руками. Но между тѣмъ пойти съ нимъ повидатся, и заключу, ежели можно будетъ договоръ о моей свадьбѣ.

ДРИКСА.

Но вотъ онъ самъ. Я васъ оставляю, и пойду къ Ксантиппѣ похлопотать такъ же о своемъ женихѣ.

АНИТЪ.

Боги да направятъ стопы твои, любезная Дрикса, буди имъ всегда покорна, и не забудь о двухъ персидскихъ коврахъ.

ЯВЛЕНІЕ III.

АНИТЪ, СОКРАТЪ.

АНИТЪ.

Да здравствуетъ дражайшій Сократъ, любимецъ боговъ, премудрѣйшій изъ смертныхъ! Всякой разъ, видя тебя, кажется превыше самаго себя я превозношуся; въ тебѣ я чту природу человѣческую.

СОКРАТЪ.

Напрасно: я человѣкъ обыкновенной, чуждъ наукъ, и по-

лонъ слабостей сего міра. Для меня много и того, ежели ты меня сносишъ.

АНИТЪ.

Тебя сносить! я тебѣ удивляюсь, и желалъ уподобиться тебѣ, ежели бы возможно было. Но чтобъ быть всегда зрителемъ твоихъ добродѣтелей, всегда научаться наставленіями твоими, вознамѣрился я женится на прекрасной твоей питомицѣ, которой участь отъ тебя зависитъ.

СОКРАТЪ.

Правда, Агатонъ ея отецъ, мой другъ, то есть человѣкъ, дражайшій всякаго сродственника,

ника,

ника, препоручилъ мнѣ духовною своею сїю любезную и добродѣтельную сироту.

АНИТЪ.

И съ великимъ богатствомъ? Говорятъ что Аглая богатѣйшая въ Афинахъ невѣста.

СОКРАТЪ,

На ето я вамъ ничего сказать не могу; отецъ ея, истинной мой другъ, коего воля для меня священна, запретилъ мнѣ тоюже духовною обьявлять имѣнїе своей дочери.

АНИТЪ.

Сїя скромность, и строгое наблюденїе послѣдней воли своего

его друга, достойны великой твоей души: но всѣмъ подлинно извѣстно, что Агатонъ былъ великой богачь.

СОКРАТЪ.

Онъ и достоинъ былъ того, ежели богатство есть даръ всевышняго.

АНИТЪ.

Но сказываютъ какой-то молокососъ, по имени Софронимъ, сватается къ Аглаѣ, и болѣе для пріобрѣтенія ея богатства; только я увѣренъ, что ты отвратишь его происки, и недопустишъ такова человѣка какъ я, имѣть въ немъ соперника.

СОКРАТЪ.

О такомъ человѣкѣ какъ ты, я знаю, какъ долженъ думать; но я не могу принуждать склонность моей воспитанницы. Я ей вмѣсто отца, а не господина. Сама она можетъ располагать своимъ сердцемъ. Усильствіе почитаю я злодѣйствомъ. Изъяснись съ нею; ежели она приметъ твои предложенія, то и я послѣдую ея волѣ.

АНИТЪ.

Супруга твоя Ксантиппа, на то уже согласна; ей конечно извѣстны Аглаины мысли, и я почитаю дѣло сіе сдѣланнымъ.

СОКРАТЪ.

Всякое дѣло не прежде я зделаннымъ почитаю, какъ уже оно дѣйствительно сдѣлано.

ЯВЛЕНІЕ IV.

СОКРАТЪ, АНИТЪ, АГЛАЯ.

СОКРАТЪ,

Прекрасная Аглая подойди сюда и рѣши свою участь. Сей человѣкъ, знатнѣйшій въ республикѣ желаетъ быть твоимъ супругомъ. Я оставляю васъ изъясниться безъ принужденія. Присудствіе мое обременило бы можетъ быть целомудренную твою стыдливость. Всякой твой выборъ я одобрю, и Ксантиппа все нужное къ браку твоему приуготовитъ.

(Уходитъ)

АГЛАЯ.

Ахъ! великодушной Сократъ, сколь я сожалѣю, что ты уходишъ!

АНИТЪ.

Кажется, прекрасная Аглая, что ты великую имѣешъ повѣренность къ сему добринькому старичку.

АГЛАЯ.

Я тѣмъ должна ему; онъ мнѣ вмѣсто отца; онъ душу мою просвѣщаетъ.

АНИТЪ.

Изрядно; ежели онъ управляетъ твоимъ разумомъ, такъ можешъ ли ты мнѣ сказать, что ты думаешъ о Церерѣ, о Сибиллѣ, и о Венерѣ?

АГЛАЯ.

АГЛАЯ.

Что мнѣ вамъ сказать, я объ нихъ думаю такъ, какъ вамъ угодно.

АНИТЪ.

Прекрасно сказано! по сему ты и сдѣлаешъ такъ, какъ мнѣ угодно?

АГЛАЯ.

О нѣтъ! одно весьма далеко отъ другова.

АНИТЪ.

Ты видишъ, что благоразумной Сократъ согласенъ на наше сочетанïе; а Ксантиппа жена его спѣшитъ совершить свадьбу. Вѣдай, что я нѣжнѣй-

шими преисполненъ къ тебѣ чувствованїями; тебѣ извѣстенъ санъ и могущество мое, и ты видишъ, что мое благополучїе, а можетъ быть и твое, зависитъ отъ одного изъ устъ твоихъ слова.

АГЛАЯ.

Послушай искреннаго моего отвѣта. Сей вышедшей отъ сюда почтенный человѣкъ, внушилъ мнѣ омерзѣнїе ко всякому притворству, и я воспользуюсь оставленною имъ мнѣ волею: я почитаю степень твою, не знаю тебя, и не могу за тебя выйти.

АНИТЪ.

Не можешъ! будучи совершенною себѣ повелительницею?

Ахъ,

Ахъ, жестокая! скажи лутче, что не хочешь.

АГЛАЯ,

Правда, я не хочу.

АНИТЪ.

Но подумай какое дѣлаешь ты мнѣ отказомъ своимъ поношеніе! Га! изъ сего вижу Сократову мнѣ измѣну; твоими устами даетъ онъ мнѣ сей отвѣтъ, и предпочитаетъ мнѣ Софронима, соперника толь подлаго, сего безбожника....

АГЛАЯ.

Постой! Софронимъ не безбожникъ; онъ отъ юныхъ лѣтъ воспитанъ Сократомъ; Сократъ имѣетъ

имѣетъ объ немъ отеческое, какъ о мнѣ попеченіе: Софронимъ украшенъ достоинствами и добродѣтелями; я его люблю, и имъ любима; отъ меня зависитъ быть за нимъ, но я такъ же не буду женою ево, какъ и твоею.

АНИТЪ.

Слова твои меня удивляютъ. Какъ! ты дерзаешъ признаться мнѣ, что любишъ Софронима?

АГЛАЯ.

Конечно, по тому что ето правда.

АНИТЪ.

И когда отъ тебя только зависитъ устроить съ нимъ

щастїе свое ты отвергаешъ его руку?

АГЛАЯ.

И это правда.

АНИТЪ.

Сему мѣдленїю союза вашего, безъ сомнѣнїя причина есть опасность меня раздражить?

АГЛАЯ.

Отнюдь нѣтъ; не стараясь никогда тебѣ нравиться, не имѣю я причины опасаться твоего и гнѣва.

АНИТЪ.

Такъ ты боишся гнѣва боговъ, предпочитая непросвященнаго служителю олтарей?

АГЛАЯ

АГЛАЯ.

Ни мало; я увѣрена, что превѣчное существо весьма мало печется о томъ, выйду ли я за тебя за мужъ или нѣтъ.

АНИТЪ.

Превѣчное существо! О дочь моя! не такъ должна ты говорить: надобно сказать, боги и богини. Берегись, я проницаю въ тебѣ вредныя мысли, и ясно познаю того, кто ихъ въ тебя вперилъ. Вѣдай, что Церера, во храмѣ которой я первосвященникъ, можетъ наказать тебя за презрѣніе служенія и служителя ея.

АГЛАЯ.

Я не презираю ни того ни другаго. Я слыхала, что Церера присуд-

присутствуетъ при жатвѣ, и вѣрю; но думаю, что она не вмѣшается въ мою свадьбу.

АНИТЪ.

Она во всемъ принимаетъ участіе; ты знаешъ многіе тому примѣры; но я надѣюсь обратить тебя на истинный путь: Твердое ли приняла ты намѣреніе не выходить за Софронима?

АГЛАЯ.

Самое непремѣнное и прискорбное моему сердцу.

АНИТЪ.

Я не понимаю сихъ противурѣчій. Послушай, я люблю тебя, хочу сдѣлать щастіе твое и возвесть тебя на высокую

степень. Не оскорбляй усердія моего, и не отвергай своего благополучія. Для основанія участи своей все должно приносить на жертву; младость и красота проходитъ, а благосостояніе остается; богатство и почести должны быть твоимъ единственнымъ предмѣтомъ. Знай, что я возвѣщаю тебѣ о семъ устами самихъ боговъ и богинь, заклинаю тебя прилѣжнѣе о томъ помыслить. Прости, любезная дочь; я иду молить Цереру да вдохнетъ она въ тебя свою благодать, и думаю, что тронетъ нѣжное твое сердце. Прости, и помни данное мнѣ обѣщаніе не выходить за Софронима.

АГЛАЯ.

Въ томъ обѣщалась я себѣ, а не тебѣ.

(Анитъ уходитъ)

АГЛАЯ *одна.*

Сколь страшными предчувствіями заражаетъ меня етотъ человѣкъ! Не знаю для чего не могу я безъ ужаса его видѣть. Но вотъ Софронимъ. Увы! сколько первой вселяетъ страха, столько нѣжности и сожалѣнія сей во мнѣ производитъ.

ЯВЛЕНІЕ V.

АГЛАЯ, СОФРОНИМЪ.

СОФРОН.

Дражайшая Аглая! я видѣлъ вышедшаго отъ тебя Анита,

сего злаго Цererина священника, сего лютаго Сократу врага, и вижу омоченные слезами твои очи.

АГЛАЯ.

Что! онъ врагъ нашему благодѣтелю? Теперь не удивляюсь я моему отвращенію, которое онъ произвелъ къ себѣ прежде нежели говорить началъ.

СОФРОН.

Увы! неужели онъ причиною слезъ помрачающихъ прекрасные твои глаза?

АГЛАЯ.

Кромѣ отвращенія онъ произвесть во мнѣ не можетъ. Нѣтъ Софронимъ, одинъ ты властенъ извлечь мои слезы.

СОФРОН.

СОФРОН.

Я! великій боже! я, который бы желалъ пролить лутче кровь свою, который тебя обожаетъ, который ласкается взаимною отъ тебя любовію, который живетъ только для тебя единой, и готовъ умереть у ногъ твоихъ! мнѣ ли дерзнуть малѣйшую причинить тебѣ скорбь? Ты плачешъ, и я тому виною; Въ чемъ я проступился? Какое злодѣяніе мое?

АГЛАЯ.

Нѣтъ, Софронимъ, ты ко злу не способенъ; но я плачу о томъ, что ты достоинъ всей моей нѣжности, что я страстно тебя люблю, и что мнѣ надобно отъ тебя отрещися.

СОФРОН.

Какїя пагубныя произносишь ты слова! Нѣтъ, я не вѣрю тебѣ; ты любишъ меня, и не можешь перемѣниться. Давъ слово быть мнѣ женою, не пожелаешъ ты моей смерти.

АГЛАЯ.

Я хочу что бъ ты былъ щастливъ, любезный мой другъ; но не могу того здѣлать: Я надѣялась, но изчезла ета сладкая надежда. Клянусь, что не могши быть твоею женою не буду я ничьею. Самое ето обьявила я Аниту, который требуетъ со мною соединиться, и котораго я презираю; повторяю то и тебѣ, съ сердцемъ пронзеннымъ жесточайшею скорбїю и любовїю нѣжнѣйшею.

СОФРОН.

Жизнь свою сохраняю я только для того, что ты меня любишь; но когда лишаешь меня имяни своего супруга, то ненужна мнѣ больше жизнь моя. Возлюбленная Аглая, для нѣжной любви, для неизреченныхъ прелестей и добродѣтелей твоихъ, изъясни мнѣ сїю пагубную тайну.

ЯВЛЕНIЕ. VI.

СОКРАТЪ, СОФРОНИМЪ, АГЛАЯ.

СОФРОН.

О Сократъ! повелитель мой, отецъ мой, ты и Аглая, жизнь мою сохраняете; но я нещастнѣйшимъ теперь между вами вижу себя человѣкомъ; ты научилъ меня мудрости твоей, Аглая

влїяла въ сердце мое чувствованїя любви; ты согласился на сочетанїе наше, прекрасная Аглая желавшая сама того прежде теперь меня покидаетъ, и увѣряя еще о любви своей, поражаетъ мое сердце; она разрываетъ условленный союзъ, не обьявляя причины толь жестокой перемѣны. Ахъ! не дай свершиться моему злополучїю, или, ежели возможно, научи меня перенести его.

СОКРАТЪ.

Аглая властна въ себѣ; отецъ ея учинилъ меня воспитателемъ ея, а не тираномъ. Я находилъ удовольствїе въ союзѣ вашемъ; но ежели она перемѣнила свои мысли, то сїя перемѣна удивляетъ меня и печалитъ

лишъ. Надлежишъ выслушать ея причины; ежели они справедливы, должно съ ними согласиться.

СОФРОН.

Но какія можетъ она имѣть причины!

АГЛАЯ.

По крайней мѣрѣ мнѣ справедливыми они кажутся. Выслушайте меня оба. Когда согласился ты, премудрый и великодушный Сократъ, принять тайное завѣщаніе моего родителя, тогда сказалъ, что осталось довольное мнѣ наслѣдство. Съ того времени приняла я намѣреніе ощастливить имъ твоего любимѣйшаго ученика Софронима, который не

 имѣетъ

имѣетъ другой кромѣ тебя подпоры, и который вмѣсто всякаго богатства только добродѣтелями обладаетъ: ты похвалилъ мое намѣренїе; вообрази, сколь велико было мое благополучїе, составляя щастїе молодаго Афинянина, коего я какъ сына твоего почитаю. Исполненная таковымъ лѣстнымъ вообраafженїемъ, и возхищенная прїятною радостїю, коя съ трудомъ совмѣщалася въ сердцѣ моемъ, открыла я Ксантиппѣ, супругѣ твоей, сїе утѣшительное состоянїе моей души; но съ тѣхъ поръ оно изчезло. Она называла то мечтою, показала мнѣ завѣщанїе моего родителя, который въ бѣдности скончавъ

животъ,

животъ, ничего мнѣ не оставилъ, и только на дружбу твою къ нему возложилъ о воспитаніи моемъ попеченіе. Съ сей минуты, какъ возбужденная отъ сновидѣнія, чувствовала я только скорбь немощи моей, содѣлать щастіе Софронима; и не хочу болѣе отяготить его моею бѣдностію.

СОФРОН.

Не сказалъ ли я тебѣ любезный Сократъ, что причины ее самыя неосновательныя; развѣ я не довольно богатъ, когда она меня любитъ? Правда, я живу твоими только благодѣяніями; но нѣтъ въ свѣтѣ тяжкой должности, которую бы я не принялъ для содержанія

любезнѣйшей Аглаи. Признаюсь, что надлежало бы мнѣ жертвовать ей своею любовїю, и лутчую стараться ей доставить участь; но сто превозходитъ мои силы, и чрезъ то дѣлаюсь ея недостойнымъ. Ахъ! ежели бы могла она унизится до меня и быть довольна моимъ состоянїемъ!... но нѣтъ, не смѣю того желать, уступаю нещастїю, которое она лутче сносить умѣетъ.

СОКРАТЪ.

Любезные дѣти! Ксантиппа весма нескромна, показавъ духовную. Но будь увѣрена, прекрасная Аглая, что она тебя обманула.

АГЛАЯ.

Она необманула меня; своими глазами удостовѣрилась я о бѣдности моей; рука моего родителя довольно мнѣ знакома. Повѣрь, любезный Сократъ, я привыкну къ моей нищетѣ; я могу работать; а сего и довольно для жизни; но для Софронима недовольно.

СОФРОН.

Сего несказанно для меня много, нѣжная, превосходная душа, достойная попеченiй своего воспитателя; честная и трудолюбивая бѣдность есть природное человѣка состоянiе. Естьли бы возмогъ, желалъ бы возвесть тебя на престолъ царскiй; но

ежели ты удостоишъ меня сожитіемъ съ собою, тогда почтенная наша скудость превыше будетъ Крезова престола.

СОКРАТЪ.

Изъясненіи ваши меня утѣшаютъ и восхищаютъ; съ неизреченною радостію вижу раждающуюся въ сердцахъ вашихъ добродѣтель, кою я посѣять старался. Ни когда труды мои съ толикимъ избыткомъ награжденны не бывали; ни когда надежда моя столь совершенно не исполнялась. Но повѣрь мнѣ, дражайшая Аглая, что жена моя увѣрила тебя несправедливо; ты больше богата нежели думаешъ. Не ей, а мнѣ препоручилъ тебя Агатонъ; и развѣ

и развѣ не могъ онъ оставить тебѣ такое сокровище, которое Ксантиппѣ не извѣстно?

АГЛАЯ.

Нѣтъ, Сократъ, я точно въ завѣщанiи видѣла свою бѣдность.

СОКРАТЪ.

А я тебѣ сказываю, что ты обманываешься, что отецъ твой оставилъ тебѣ довольно на прожитокъ съ добродѣтельнымъ Софронимомъ, и я хочу чтобъ вы немедлѣнно пошли оба подписать рядную.

ЯВЛЕНIЕ VII.

СОКРАТЪ, КСАНТИППА, АГЛАЯ. СОФРОНИМЪ.

КСАНТИППА.

Ступай, ступай за мной Аглая;

Аглая; полно тебѣ забавляться бреднями моего мужа; Филозофія хороша какъ есть чѣмъ жить, а у тебя права не съ лишкомъ; говори прежде о томъ, было бы что ѣсть, а послѣ разсуждай какъ изволишь. Я помолвила тебя за Анита, отца благочестиваго, человѣка сильнова, и знатнова; пойдемъ со мной; ни отсрочки, ни упрямство теперь не къ стати; я люблю чтобъ мнѣ повиновались, да и скоро. Это твое щастье, не упрямся, ступай за мною

СОФРОН.

О небо! дражайшая Аглая!

СОКРАТЪ.

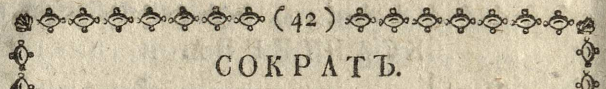
Пусть ее кричитъ; положите щастіе свое на мое попеченіе.

КСАН-

КСАНТИППА.

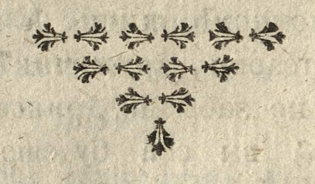
Что! пусть я кричу? о конечно! но я и сдѣлаю по своему. Тебѣ ли старому съ твоимъ умишкомъ, съ домашнимъ твоимъ духомъ, съ твоимъ шпынствомъ и со всѣми твоими ни къ чему годными вздорами мѣшаться въ дѣвичьи свадьбы! что ты знаешь, бѣднякъ, о дѣлахъ на семъ свѣтѣ! Ты еще весма щастливъ что я тобою управляю. Пойдемъ Аглая, пойдемъ, пора тебѣ домкомъ жить. А ты не вѣшай головы, дружечикъ; я и о тебѣ не забыла. Дрикса тебѣ по рукѣ; вы оба будете меня благодарить; все сдѣлается въ мигъ; я мѣшкать не люблю, не по что терять время. Давно бы уже все пора и кончить.

СОКРАТЪ.

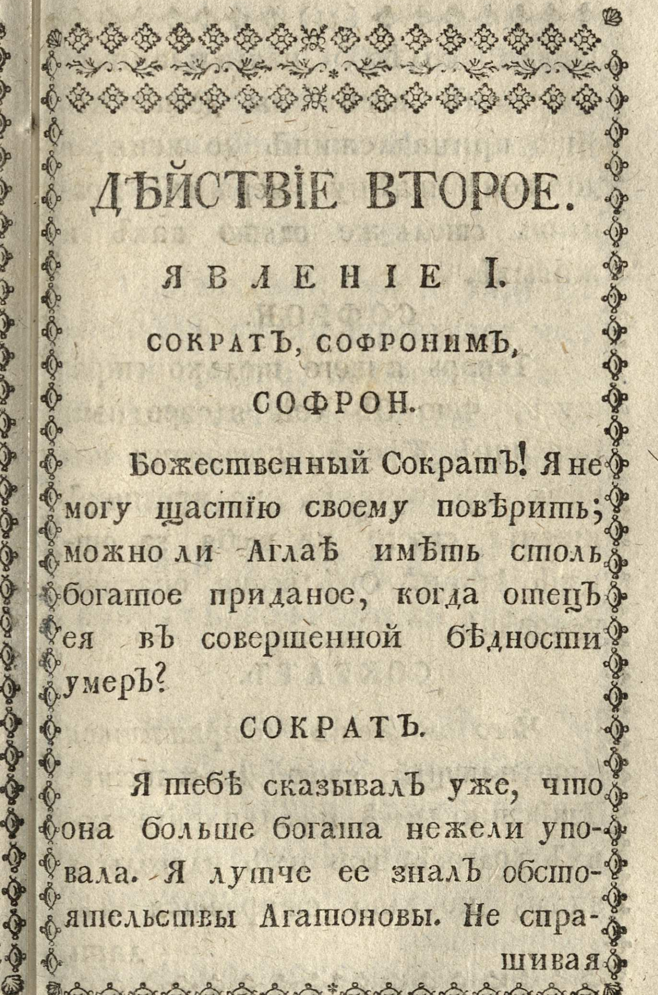

СОКРАТЪ.

Не бѣсите ее, любезныя дѣти; поступайте съ нѣю сколько возможно равнодушнѣе. Ежели не возможно кого исправить, тому лутче угождать. Въ томъ то и состоитъ благоразумія побѣда, чтобъ уживаться съ людьми не имѣющими разсудка.

ДѢЙСТВІЕ

ДѢЙСТВІЕ ВТОРОЕ.

ЯВЛЕНІЕ I.

СОКРАТЪ, СОФРОНИМЪ, СОФРОН.

Божественный Сократъ! Я не могу щастію своему повѣрить; можно ли Аглаѣ имѣть столь богатое приданое, когда отецъ ея въ совершенной бѣдности умеръ?

СОКРАТЪ.

Я тебѣ сказывалъ уже, что она больше богата нежели уповала. Я лутче ее зналъ обстоятельствы Агатоновы. Не спрашивая

шивая болѣе, наслаждайтесь щастїемъ коего вы достойны. Что принадлежитъ до меня, я долженъ тайну умершихъ хранить столь же свято какъ и живыхъ.

СОФРОН.

Теперь я того только страшусь, что бъ сей зловредный Церерин Жрецъ, которому ты меня предпочелъ, не простеръ мщенїя своего на тебя за отказъ Аглаи. Онъ весма опасной человѣкъ.

СОКРАТЪ.

Чего можетъ страшиться исполняющїй свою должность? Извѣстно мнѣ изступленїе моихъ враговъ; всѣ ихъ плевелы я знаю; но кто старается дѣлать

лаешь людямъ добро, и Творца своего не оскорбляешъ, тому нечего опасаться ни въ жизни ни по смерти.

СОФРОН.

Справедливо; но я умру съ отчаянія, ежели дарованное мнѣ тобою щастіе, подвигнетъ злодѣевъ твоихъ принудить тебя имѣть нужду во всей непобѣдимой твоей твердости.

ЯВЛЕНІЕ II.

СОКРАТЪ, СОФРОНИМЪ, АГЛАЯ.

АГЛАЯ.

Благодѣтель, отецъ мой, смертный превыше человѣковъ! я обьемлю колѣна твои; помоги мнѣ Софронимъ; онъ, Сократъ, съ утратою своего имѣнія насъ

соединяетъ,

соединяетъ, онъ даетъ мнѣ приданое, онъ лишаетъ себя для насъ большей части имущества своего. Нѣтъ, мы не должны симъ возпользоваться; такимъ средствомъ пріобрѣшенное богатство будетъ намъ въ тягость. Чѣмъ благодарнѣе наши сердца, тѣмъ болѣе должны мы подражать благородству его души.

СОФРОН.

Я упадаю съ нею къ стопамъ твоимъ, и пораженный тѣми же чувствованіями равномѣрно благодѣянія твои ощущаю. Любя тебя, не можемъ мы во зло употребить твою щедроту. Почитай насъ какъ дѣтей своихъ, но что бъ сіи дѣти не были

тебѣ въ тягость. Дружество твое есть самое величайшее наше благо; его только просимъ. Какъ! не будучи самъ богатъ, ты дѣлаешь то, чегобы наибогатѣйшїе во вселенной не сдѣлали! Мы будемъ не достойны благодѣянїя твоего, ежели его примемъ.

СОКРАТЪ.

Встаньте, любезныя дѣти; вы трогаете меня; но послушайте, не должноли уважать заповѣди умершихъ. Отецъ твой, Аглая, котораго я любилъ много, повелѣлъ мнѣ содержать тебя какъ родную дочь мою, и я ему повинуюсь; я бы измѣнилъ дружеству и повѣренности, ежели бы любилъ тебя меньше. Принявъ

нявъ завѣщаніе я исполняю его; малой мой вамъ даръ безполезенъ при моей старости, которая ни какихъ нуждъ не имѣетъ. На конецъ, ежели долженъ я исполнять повелѣніе друга моего, то и вы обязаны повиноваться своему отцу: я нынѣ отецъ вашъ; и симъ священнымъ имянемъ приказываю вамъ не оскорблять меня своимъ отказомъ. Но удалитесь отсюда, я вижу Ксантиппу, и имѣю причину, чтобъ вы убѣгали теперь ея присутствія.

АГЛАЯ.

Ахъ! сколь жестокія даешь ты намъ повелѣніи!

ЯВЛЕНІЕ III.

СОКРАТЪ, КСАНТИППА.

КСАНТИППА.

Изрядное ты выхитрилъ дѣло, дорогой мой муженекъ! Однакожъ не думай чтобъ я тебя до того допустила. Смотри пожалуй какое сумазбродство! Я свашаю Аглаю за жреца Анита, которой между знатными великую имѣетъ силу; я свашаю Софронима за богатую торговку Дриксу, которая такъ же въ чести у всѣхъ гражданъ! а ты какъ нарочно чтобы я не сдержала слова, помолвилъ вѣтреницу свою за ровнова ей повѣсу; и етого еще не довольно, даешь ей въ приданое большую часть

 своего

своего достатка. Дватцать тысячь драхмъ! милосердые боги! дватцать тысячь! Не стыдно ли тебѣ, старой хрычь? Чѣмъ ты станешъ кормиться на семидесятилѣтней старости своей? Кто заплатитъ въ хворости твоей лѣкарямъ? кто стряпчимъ за тяжбу, когда тебя въ судъ потащатъ? На конецъ, что мнѣ тогда будетъ дѣлать, когда етотъ бездѣлникъ, етотъ висельникъ Анитъ и вся ево шайка, которую бы ты могъ на свою склонить сторону, подымутся тебя гнать, какъ они уже много разъ и начинали? Чтобъ сквозь землю провалилась философія, философы и безпутная моя къ тебѣ дружба! Ты

берешся

берешся предводительствовать другими, а самъ въ помочахъ нужду имѣешъ: безпрестанно умствуешъ, не зная самъ аза въ глаза. Ежели бы ты не былъ предоброй человѣкъ, то былъ бы ты глупецъ пренесносной. Слушай, другова дѣлать тебѣ не осталось, какъ въ сїюжъ минуту разорвать вздорное ето сватовство, и исполнить по волѣ твоей жены.

СОКРАТЪ.

Ты весма основательно и скромно разсуждаешь, любезная моя Ксантиппа; но выслушай же и меня. Я отнюдь не предлагалъ етой свадьбы; Софронимъ и Аглая любятся, и конечно достойны, одинъ другаго. Я отдалъ тебѣ принадлежащую по

 законамъ

законамъ часть моего имѣнія; почти все за тѣмъ отдаю дочери моего друга, а самъ малымъ остаткомъ доволенъ буду. Нѣтъ нужды мнѣ платить ни врачамъ за лѣченіе, потому что живу воздержно, ни стряпчимъ, за хожденіе, по тому что ни долговъ ни тяжебъ не имѣю. Что же касается до философіи, которою ты меня укоряешъ, она научаетъ меня сносить Анитовы нападки, твою брань, да еще и любить тебя, не взирая на бѣшеной твой нравъ.

ЯВЛЕНІЕ IV.

КСАНТИППА *одна.*

Старой дуракъ! но должно противъ воли его почитать, по тому что, выключая все,

въ

въ дурачествѣ его, не вѣдаю есть нѣчто необыкновенное. Равнодушіе, съ какимъ производитъ онъ сумозбродствы свои, приводитъ меня въ изступленіе. Сколько ево ни брани, все безъ пользы. Тритцать уже лѣтъ ѣмъ я ево какъ ржа желѣзо, и когда ужь до сыта на кричусь, такъ онъ же становится правъ, а я со стыдомъ остаюся. Не ужели есть что ни будь въ душѣ его превозходнѣе моей?

ЯВЛЕНІЕ V.

КСАНТИППА, ДРИКСА.

ДРИКСА.

Такъ то, госпожа Ксантиппа, такая то ты хозяйка въ домѣ. Тфу! какъ ето подло

 чтобъ

чтобъ дать себя водить за носъ мужу! Проклятой твой Сократъ вырываетъ у меня кусокъ изъ роту лишая сего прекраснаго дѣтины, котораго щастье я хотѣла сдѣлать; но онъ заплатитъ мнѣ измѣнникъ!

КСАНТИППА.

Не сердись, голубушка моя, я уже и такъ на мужа своего довольно шумѣла. Что дѣлать; хоть онъ и сумасшедшей, но при всемъ томъ предоброе у него сердце. Въ немъ нѣтъ лукавства; всѣ свои дурачествы проказитъ онъ безъ всякой хитрости, и съ такимъ праводушіемъ, что отнимаетъ руки. Сверхъ того онъ такъ упрямъ, какъ оселъ. Во всю жизнь свою я не переста-

перестовала его мучить, а иногда и колачивала; но не только исправить, ниже осердить его не могла. Что прикажешь съ такимъ уродомъ сдѣлать?

ДРИКСА.

Я тебѣ сказываю, что я отмщу ему. Кажется я вижу подъ переходами сердечнаго друга его Анита, и нѣсколько еще изъ нашихъ; пожалуй оставь насъ.

КСАНТИППА.

Ахти! чтобы ета сарынь не накутила мужу моему хлопотъ. Пойду поскорѣе его увѣдомить: каковъ ни есть а все таки мужъ.

ЯВЛЕНІЕ VI.

АНИТЪ, ДРИКСА, ТЕРПАНДРЪ.

АКРОСЪ.

ДРИКСА.

Обида наша есть общая, почтеннѣйшій Анитъ; и вы подобно мнѣ обмануты. Сократъ, сей безчестной человѣкъ отдаетъ почти все свое имѣніе Аглаѣ, единственно вамъ въ досаду. Надобно ловко ему отмстить.

АНИТЪ.

И я тожъ думалъ; сами боги въ томъ участвуютъ. Пренебрегая меня, сей злодѣй презираетъ конечно и боговъ. На него уже сдѣлано нѣсколько доносовъ, а вы только помогите

мнѣ

мнѣ возобновить ихъ; и когда мы жизнь его опасности подвергнемъ, тогда предложу я ему свое покровительство, съ тѣмъ, чтобъ выдалъ онъ за меня Аглаю, а на тебѣ женилъ Софронима. Симъ исполнимъ мы долгъ нашъ; страхъ обуяетъ его, и мы получимъ, ты своего любовника, а я свою невѣсту.

ДРИКСА.

Вы говорите какъ сама премудрость. Конечно которымъ нибудь божествомъ вы вдохновенны. Научи, мы готовы исполнить твою волю.

АНИТЪ.

Часъ тотъ приближается, въ которой судіи пойдутъ въ

засѣданіе. Мелитъ ихъ предсѣдатель.

ДРИКСА.

Но етотъ Мелитъ надутой чванишка, злой человѣкъ, и вашъ недругъ.

АНИТЪ.

Правда, но онъ еще болѣе неприятель Сократу; хотя етотъ лукавой злодѣй и направляетъ на меня силу Ареопага, но мы всегда соединяемся, когда дѣло идетъ о погубленіи ложныхъ мудрецовъ, удобныхъ открыть народу глаза на поступки наши. Послушай меня любезная Дрикса, въ тебѣ блистаетъ искра богоговѣнія.

ДРИКСА.

О безпримѣрно, милостивый государь; хотя я и люблю деньги и забавы отъ всего сердца, но въ набожествѣ ни кому не уступаю.

АНИТЪ.

Подижъ, прибери къ себѣ кого нибудь изъ богомольныхъ твоихъ друзей; и когда судьи пойдутъ доносите о беззаконіи.

ТЕРПАНДРЪ.

Есть ли тутъ чѣмъ поживиться? Такъ и мы готовы.

АКРОСЪ.

Конечно; но какова же роду беззаконіе?

АНИТЪ.

Всѣхъ родовъ. Короче всего,

смѣло обвиняйте его въ невѣріи богамъ.

ДРИКСА.

Положитесь уже въ етомъ на меня.

АНИТЪ.

Вамъ помогать будутъ всѣми силами. Подите къ тѣмъ воротамъ и соберите друзей своихъ; а я между тѣмъ пойду подущать несколько изъ етихъ псовъ словеснова ученія, которыя часто таскаются ко мнѣ лизать блюды. Признаться надобно, они презрительныя твари, но могутъ при случаѣ дѣлать зло, ежели ихъ настроитъ. Полѣзно употреблять всякія средствы, чтобъ защитить

доброе дѣло. Подите, любезные мои друзья, и призовя въ помощь Цереру, по данномъ вамъ мною знакѣ, приступите и возопите. Сей непреложный естъ путь взойти на небо, а наипаче жить щастливо на земли.

ЯВЛЕНІЕ VII.

АНИТЪ, ГРАФІОСЪ, ХОМОСЪ, БЕРТИЛЛОСЪ.

АНИТЪ,

Неутомимый Графіосъ, глубокомысленный Хомосъ, и ты нѣжной Бертиллосъ, написали ли вы противу Сократа свои сочиненьицы, кои я вамъ заказалъ?

ГРАФІОСЪ,

Я написалЪ, милостивый государь, и паденіе его неизбѣжно.

ХОМОСЪ,

Я доказалЪ мою противу его истинну, и онЪ совершенно замѣшанЪ.

БЕРТИЛЛОСЪ.

Я только слово вЪ ежедневномЪ моемЪ сочиненіи сказалЪ, и онЪ погибаетЪ.

АНИТЪ.

Но остерегись, ГрафіосЪ, отЪ плодовитости своего слога. Ты естественно скученЪ, и народЪ тебя терпѣть не можетЪ.

ГРАФІОСЪ.

Милостивый государь! я написалЪ только одинЪ листокЪ;

въ немъ доказываю, что душа есть тонкой вдунутой паръ, что скотамъ даны хвосты для прогнанія мухъ, что Церера дѣлаетъ чудеса, и что слѣдовательно Сократъ врагъ республики, котораго должно истребить.

АНИТЪ.

Заключеніе весма остро. Поди и донеси о томъ второму судьѣ. Онъ предорогой Философъ; и я ручаюсь что ты скоро сбудешь съ рукъ непріятеля своего Сократа.

ГРАФІОСЪ.

Милостивый государь! онъ мнѣ отнюдъ не непріятель: то только мнѣ досадно, что онъ въ великой славѣ; въ протчемъ

все я дѣлаю на прославленіе Цереры и къ благу общему.

АНИТЪ.

Поди, я говорю, не мѣшкая. А ты, преученой Хомосъ, что сдѣлалъ?

ХОМОСЪ.

Милостивый государь! не находя ни мало къ чему бы прицѣпиться въ сочиненіяхъ Сократовыхъ, обвиняю я его искуснымъ образомъ въ томъ, что онъ не то думаетъ что говоритъ; и показываю простертый имъ ядъ на все то, что впредь еще сказать можетъ.

АНИТЪ.

Прекрасно! Отнеси свое сочиненіе къ четвертому судьѣ:

тварь

тварь ета не имѣетъ зерна разума, и выслушаетъ тебя со вниманіемъ. А ты, Бертиллосъ?

БЕРТИЛЛОСЪ.

Милостивый государь! вотъ послѣдней мой дневной листокъ о хаосѣ. Въ немъ изъ подтиха, проходя отъ хаоса до Олимпійскихъ игръ, доказалъ я мимоходомъ, что Сократъ развращаетъ наше юношество.

АНИТЪ.

Несравненно! поди къ седьмому судьѣ, и скажи отъ меня, что я препоручаю ему въ покровительство Сократа. А! вотъ идетъ къ статѣ и Мелитъ, председатель одиннадцати членовъ. Съ нимъ нѣчего мнѣ хи-

трить

тринь; мы другЪ друга коротко знаемЪ.

ЯВЛЕНІЕ VIII.

АНИТЪ. МЕЛИТЪ.

АНИТЪ.

Послушай, господинЪ судья: надобно погубить Сократа.

МЕЛИТЪ.

Давно уже, господинЪ жрецЪ, я обЪ етомЪ думалЪ. Соединимся вЪ семЪ случаѢ, а впрочемЪ вражда останется по прежнему.

АНИТЪ.

Знаю я, что мы другЪ друга ненавидимЪ; но не взирая на то надлежитЪ сопрягать силы для управленія республикою.

МЕЛ-

МЕЛИТЪ.

Согласенъ. Здѣсь ни кто насъ не слышитъ; послушай: я знаю что ты бездѣльникъ; знаю, что и меня честнымъ человѣкомъ ты не считаешъ. Вредить я тебѣ не могу, по тому что ты верховной жрецъ, да и ты такъ же ни какой пакости сдѣлать мнѣ не можешъ, по тому что я верховной судья; но Сократъ можетъ намъ обѣимъ совредить, снявъ наши личины: и такъ надлежитъ намъ съ тобою, прежде его лишить жизни, а потомъ увидимъ кому изъ насъ напередъ удастся изкоренить одному другова при первомъ удобномъ случаѣ.

АНИТЪ

АНИТЪ. (*въ сторону.*)

Прекрасно сказано! О какъ бы я желалъ этого Ареопагскаго плута растянуть на жертвенномъ таганѣ, и распоровъ утробу его золотымъ моимъ ножомъ, спокойно посовѣтовать съ его внутреннею.

МЕЛИТЪ (*въ сторону*)

Неужели никогда мнѣ не удастся засадить въ тюрму сего идоложертвеннаго висѣльника, и дать ему проглотить прiемъ сулемы для забавы?

АНИТЪ.

И такъ, любезной мой другъ, вотъ идутъ и товарищи твои; а я уже народъ къ тому приготовилъ.

МЕЛ-

МЕЛИТЪ.

Очень изрядно, любезной мой другъ, положись на меня какъ на на себя самаго; но только на етотъ часъ, а впередъ держи ухо остро.

ЯВЛЕНІЕ IX.

АНИТЪ, МЕЛИТЪ, нѣсколько афинскихъ Судей, выходящихъ изъ подъ переходовъ.

(*Анитъ шепчется съ Мелитомъ.*)

ДРИКСА, ТЕРПАНДРЪ и АКРОСЪ, *пришедши кричатъ вдругъ.*

Правосудіе! правосудіе! соблазнъ! безбожіе! беззаконіе! правосудіе! правосудіе!

АНИТЪ.

Что ето, друзья мои? о чемъ вы жалуетесь?

ДРИКСА, ТЕРПАНДРЪ и АКРОСЪ.

Народъ требуетъ правосудія.

МЕЛИТЪ.

На кого?

ДРИКСА, ТЕРПАНДРЪ и АКРОСЪ.

На Сократа.

МЕЛИТЪ.

Ага! на Сократа? ужъ не впервые жалуются на него. Что онъ сдѣлалъ?

АКРОСЪ.

Я не знаю.

ТЕРПАНДРЪ.

Сказываютъ что онъ даетъ приданое дѣвкамъ.

АКРОСЪ.

Да, да; и развращаетъ молодыхъ людей.

ДРИКСА.

Онъ безбожникъ; онъ не приносилъ церерѣ въ жертву

пироговъ. Онъ говоритъ что во храмѣ ея много безполѣзно лежащаго золота и серебра.

АКРОСЪ.

Онъ клевещетъ что Церерины священники часто напиваются пьяны, это правда, онъ безбожникъ.

ДРИКСА.

Онъ еретикъ; онъ не почитаетъ всѣхъ боговъ; онъ единобожникъ; въ одново только бога онъ вѣритъ; онъ безбожникъ.

ТЕРПАНДРЪ, АКРОСЪ, ДРИКСА.

Точно такъ: еретикъ, единобожникъ, безбожникъ.

МЕЛИТЪ.

Доносъ весма важный и вѣроятный: меня уже предварили о всемъ вами сказанномъ.

АНИТЪ.

Республика въ опасности, ежели останется такое зло безъ казни. Минерва лишитъ насъ своего покровительства.

ДРИКСА.

Да, да, хорошо что вспомнили вы о Минервѣ. Я слышала какъ онъ смѣялся Минервиной совѣ.

МЕЛИТЪ.

Минервиной совѣ! О небо! не согласны ли вы господа, съ моимъ мнѣнїемъ, чтобъ сей же часъ заточить Сократа въ тюрму?

Судьи, (всѣ вдругъ.) Въ тюрму, въ тюрму немедлѣнно.

МЕЛИТЪ.

Стражи! сыщите и отведите Сократа сей же часъ въ тюрму.

ДРИКСА.

А послѣ не слушая оправданій надобно его сжечь.

ОДИНЪ ИЗЪ СУДѢЙ.

О нѣтъ! надобно прежде выслушать; не должно насильствовать закона.

АНИТЪ.

Богобоязливая ета жена то самое и предлагаетъ; надобно оправданіи его выслушать, но не допустимъ себя обмануть его рѣчами; по тому что сами вы знаете, Философы эти бѣсовскую въ словахъ имѣютъ увертливость: они-то и причиною возмущенія тѣхъ народовъ, гдѣ мы согласіе водворяли.

МЕЛИТЪ

Въ тюрму его, въ тюрму.

ЯВЛЕНІЕ X.

ТѢЖЪ; КСАНТИППА, СОФРОНИМЪ, АГЛАЯ, СОКРАТЪ (*скованной*), разсыльщики.

КСАНТИППА.

Умилосердитесь! за что вы тащите мужа моего въ тюрму? Не стыдно ли вамъ, господа судьи, поступать такъ безчеловѣчно съ едакимъ старикомъ? Какое преступленіе могъ онъ сдѣлать? онъ не знаетъ коварства; увы! онъ больше глупъ нежели хитръ. Ахъ, государи мои, сжальтеся надъ нимъ! Давно я тебѣ говорила, мужненекъ мой, что наживешь ты себѣ хлопотъ; вотъ таково-то давать дѣвкамъ приданое. Охъ я бѣдная, горкая!

СОФРОН-

СОФРОНИМЪ.

Ахъ, государи мои! почтите старость и добродѣтели его; обремените лутче меня сими оковами; я готовъ изкупить его вольностїю, и самою жизнїю своею.

АГЛАЯ.

Такъ, мы пойдемъ вмѣсто его въ темницу, и ежели надобно, мы за него умремъ. Не покушайтеся на жизнь праведнаго и почтеннѣйшаго мужа. Примите насъ въ жертву свою.

МЕЛИТЪ.

Видите ли какъ юношество онъ заражаетъ?

СОКРАТЪ.

Успокойся, Ксантиппа, пере-

станьте, любезныя дѣти сопротивляться волѣ небесъ: гласомъ законовъ она къ намъ нисылается, и кто не повинуется законамъ, тотъ не достоинъ называться гражданиномъ. Богу угодно что бы я обремененъ былъ оковами, безъ роптанія подвергаюсь я его опредѣленію; въ домѣ моемъ, въ Афинахъ, или въ темницѣ, вездѣ равно я воленъ; и тѣмъ болѣе почитаю я себя счастливымъ, что вижу васъ толикою ко мнѣ благодарностію и дружествомъ преисполненныхъ. Какая въ томъ разность что Сократъ покоится въ своей ли свѣтлицѣ или въ тюрмѣ афинской? Все происходитъ по превѣчному порядку, и

и воля моя съ нимъ согласоваться долженствуетъ.

МЕЛИТЪ.

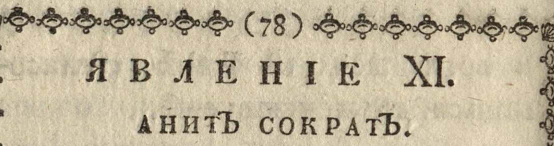
Отведите етаго раскащика.

АНИТЪ.

Господа! меня тронули слова сего человѣка. Въ немъ есть кажется добрыя расположенія чувствъ; и я ласкаю себя обратить его на истинный путь. Оставьте меня поговорить съ нимъ на единѣ, и повелите удалиться женѣ его и симъ молодымъ людямъ.

ОДИНЪ ИЗЪ СУДЕЙ.

Мы согласны, достопочтенный Анитъ; вы можете съ нимъ поговорить прежде нежели предстанетъ онъ на судъ.

ЯВЛЕНІЕ XI.

АНИТЪ СОКРАТЪ.

АНИТЪ.

Добродѣтельный Сократъ, видя тебя въ семъ состояніи сердце мое кровію обливается.

СОКРАТЪ.

Такъ у тебя есть и сердце?

АНИТЪ.

Конечно; я все готовъ для тебя сдѣлать.

СОКРАТЪ.

Подлинно такъ, я думаю что ты много уже для меня и сдѣлалъ.

АНИТЪ.

Состояніе твое гораздо опаснѣе нѣжели ты думаешъ: дѣло идетъ о твоей жизни.

СОКРАТЪ.

Такъ не во многомъ же состоитъ сїе дѣло.

АНИТЪ.

Для неустрашимой и превосходной твоей души етого конечно не много; но важно для тѣхъ, коимъ равно мнѣ, добродѣтели твои любезны. Повѣрь, какою бы непобѣдимою философїею душа твоя ни ограждалась, страшно умереть отъ жесточайшихъ мученїй. Но сего еще не довольно; слава имени твоего, которая тебѣ всего любезнѣе, посрамлена будетъ на вѣки. Не только всѣ наши на́божники и на́божницы посмѣются кончинѣ твоей, обругаютъ тебя, подожгутъ костеръ ежели

ли станутъ тебя жечь, потянутъ пѣтлю ежели повѣсятъ тебя; но и память твою мерзкою учинятъ на все предъидущее время; а сей плачевной конецъ легко отвратить ты можешь: я берусь спасти жизнь твою, и сверхъ того обьявлю тебя чрезъ судей премудрѣйшимъ человѣкомъ, подобно какъ обьявленъ ты былъ Апполоновымъ оракуломъ: за все это я требую только воспитанницу твою Аглаю, разумѣя и съ приданымъ которое ты ей назначилъ; обрученїе же ее съ Софронимомъ не трудно будетъ уничтожить. Послѣ сего ты будешь наслаждаться въ тишинѣ почтенною своею старостїю, и боги

боги и богини пролїютъ на тебя свою благодать.

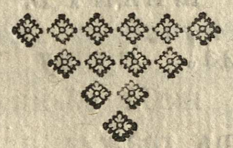
СОКРАТЪ.

Стражи, ведите меня немедлѣнно въ тюрму.

(Уподятъ)

АНИТЪ.

Нѣтъ надежды его исп вить, и я въ томъ не по: ненъ. Я исполнилъ долгъ сво. и совѣсть моя чиста. Надлежитъ оставить его какъ бѣснующаго, и дать умереть безъ покаянїя.

ДѢЙСТВІЕ ТРЕТІЕ.

ЯВЛЕНІЕ I.

АНИТЪ И СУДЬИ въ засѣданіи. *Сократъ имъ предстоитъ.*

СУДЬЯ АНИТУ.

Церерину священнику, не подобаетъ съ нами засѣдать.

АНИТЪ.

Я здѣсь яко столпъ правосудія.

МЕЛИТЪ.

Господа! прошу вниманія. Сократъ! тебя обвиняютъ худымъ быть гражданиномъ; что ты развращаешъ юношество, опровер-

опровергаешъ боговъ; что ты изуверъ, единобожникъ, безбожникъ: отвѣчай.

СОКРАТЪ.

Судьи Афинскія! желаю, чтобъ вы столь же добрыя были сограждане, сколько я всегда имъ быть старался, и такъ же проливали кровь вашу за отечество, какъ не щадилъ я моей, во многихъ битвахъ. Вы упрекаете меня во вредѣ вашему юношеству; я совѣтую вамъ научать его мудрыми наставленіями, а болѣе примѣрами вашими; заставьте его любить истинную добродѣтель, и убѣгать пустаго школьнаго ученія. Что же касается до почитанія боговъ; сему предлежитъ

изслѣдованіе прилѣжнѣйшаго вниманія, но вы легко меня уразумѣете: судьи Афинскія! Богъ есть единъ.

МЕЛИТЪ *и одинъ изъ Судей.*

О злодѣй!

СОКРАТЪ.

Богъ единъ, говорю вамъ: существо его есть безконечность, и никакое бытіе безконечность сію раздѣлить съ нимъ не можетъ. Обратите взоръ вашъ на сіи круги небесныя, взгляните на моря и землю, все согласуется между собою, все кажется одно для другаго сотвореннымъ; всякое бытіе искренно съ другими бытіями сопряжено; во всѣмъ видно дѣло единыя руки,

руки, слѣдственно одинъ есть и творецъ; одинъ властелинъ, одинъ хранитель. Быть можетъ, что угодно было ему произвесть духовъ сильнѣйшихъ и просвященнѣйшихъ противъ протчихъ человѣковъ, но ежели они есть, то такія же его твари какъ и вы: они только любимцы его а не боги, и ничто въ природѣ не возвѣщаетъ намъ о существѣ ихъ, когда вся природа изъявляетъ единаго бога и отца. Богъ сей не имѣетъ нужды въ помощи Меркурія или Ирисы, для ниспосланія къ намъ своихъ велѣніи: речетъ и исполнится. Естьли во образѣ Минервы разумѣете вы неисповѣдимую его премудрость, въ

видѣ Нептуна непреложныя законы его, воздымающія и опускающія моря, то позволительно почитать и Минерву и Нептуна, лишъ только бы въ сихъ образованіяхъ, обожаніе ваше стремилось къ единому превѣчному существу, и народъ не получалъ соблазна отъ него удаляться. Брегитесь толковать вѣру вашу преестественно: нравственное ученіе есть ее источникъ. Обожайте, и со смиреніемъ повинуйтеся. Естьли предки наши утверждали, что богъ снисходилъ въ объятія Алкмены, Данаи и Цемелы, и что имѣлъ плоды своихъ посещеніевъ; то они пагубныя разсѣевали басни. Велико есть

порицаніе

порицаніе божества, дерзнуть приписывать ему, въ какомъ бы то видѣ ни было, сообщеніе съ женою, что межъ людми прелюбодѣяніемъ имянуется. Человѣкъ повергается въ уныніе, когда ему скажутъ, что для прославленія себя великимъ человѣкомъ, надобно родится отъ тайнаго сообщенія Юпитера съ женою или со дщерію вашею. Мильтіадъ, Симонъ, Фемистоклъ и Аристидъ, коихъ вы гнали, стоили можетъ быть Персеевъ, Геркулесовъ, и Бакусовъ вашихъ. Чтобъ учиниться достойными чадами вышняго, нѣтъ другова пути кромѣ дѣлъ правыхъ, и вы, на чредѣ вашей, изліяніемъ немерцающаго правосудія, око

милосердія его къ себѣ обратить можете.

МЕЛИТЪ.

Какое святотатство! какая дерзость!

ОДИНЪ ИЗЪ СУДЕЙ.

Какой вздоръ! Непонятно что онъ говоритъ.

МЕЛИТЪ.

Сократъ, ты всегда разсужденіями затмѣваешъ дѣло. Мы не много отъ тебя требуемъ; отвѣчай ясно и съ точностію: смѣялся ли ты Минервиной совѣ?

СОКРАТЪ.

Судіи Афинскія! остерегитеся съ своими Совами, когда предлагаете вы народу подобныя нелѣпости, многіе внутренно не

не вѣряшъ ни чему. Народъ довольно имѣешъ разсудка, чтобъ познашь глупость вашего ученія, но не можешъ проникнушь чистѣйшаго и истиннаго закона; онъ смѣется вашимъ божкамъ, но не можетъ познашь бога всѣхъ существъ, единаго, неисповѣдимаго, нераздѣльнаго, превѣчнаго, правосуднаго и всемогущаго Бога.

МЕЛИТЪ.

О извергъ! о богохулникъ! довольно онъ сказалъ. Я пригovариваю его къ смерти.

МНОГІЕ СУДЬИ.

Мы согласны.

ОДИНЪ ИЗЪ СУДЕЙ.

Господа! насъ много есть противнаго сему мнѣнія; мы

думаемъ

думаемъ что Сократъ говоритъ основательно, и заключаемъ что и всѣ люди справедливѣе бы и умнѣе были, ежели бы такъ какъ онъ помышляли. Я съ своей стороны вмѣсто осужденія на смерть, наградить его опредѣляю.

МНОГІЕ СУДЬИ.

И мы такъ же думаемъ.

МЕЛИТЪ.

Я вижу, что голоса раздѣляются.

АНИТЪ.

Почтенныя члены Ареопага! позвольте мнѣ вопросить Сократа. Думаешь ли ты что солнце обращается, и что Ареопагъ есть право божественное.

СОКРАТЪ.

Никакого не имѣешъ ты права дѣлать мнѣ свои вопросы; но я кажется имѣю его, научить тебя тому, чего ты недоумѣваешь: не то для общества важно, что солнце или земля вертится, но чтобъ люди, кои съ нею вертятся, справедливы были. Единая добродѣтель есть отрасль права божественнаго; а ты и весь Ареопагъ не имѣетъ другова права, кромѣ предписаннаго отечествомъ.

АНИТЪ.

Свѣтлѣйшія и достопочтенныя члены! повелите удалить Сократа.

Мелитъ дѣлаетъ знакъ; Сократа выподятъ.

АНИТЪ *продолжаетъ.*

О вы, председатели могущаго и самимъ небомъ основаннаго суда! Вы слышали Сократа; сей ядовитый человѣкъ уничтожаетъ теченїе солнца, и священный санъ, коимъ вы облечены, опровергаетъ. Естьли сїи ужасныя слухи распространятся, погибло правленїе, померкло солнце. Вы уже не будете судїи возведенныя Минервою, но повинуясь предписанїю законовъ будете невольники собственнаго своего осужденїя; а завися отъ законовъ, вы совершенно погибшїя люди. Накажите бунтующаго, отмщая небу и землѣ. Я васъ оставляю; но страшитесь гнѣва боговъ, ежели Сократъ живъ останется.

Анитъ уходитъ, судьи размышляютъ.

ОДИНЪ ИЗЪ СУДЕЙ.

Я не желаю ссорится съ Анитомъ; онъ опасенъ. Ежели бы только дѣло шло о гнѣвѣ боговъ, то бы еще.....

ДРУГОЙ СУДЬЯ. (*къ говорящему.*)

Между нами сказано, Сократъ правъ; а виноватъ онъ въ томъ, что правъ такъ нескромно. Я и самъ не болѣе уважаю Цереру и Нептуна какъ онъ; но ему не надлежало бы кричать предъ цѣлымъ Ареопагомъ того, что говорится на ухо. Въ протчемъ невеликое зло, и отправить философа, а особливо дряхлаго и гнуснаго.

Другой

ДРУГОЙ СУДЬЯ.

Ежели несправедливо будетъ осужденіе Сократа, такъ въ семомъ грѣшенъ Анитъ, а не я; я все возлагаю на его душу. Но уже поздно становится, нечего терять время. Къ смерти его, къ смерти, да и басни въ кустъ.

ДРУГОЙ СУДЬЯ.

Утверждаютъ, якобы онъ еретикъ, безбожникъ; къ смерти, къ смерти.

МЕЛИТЪ.

Приведите Сократа. (*Сократъ приходитъ*) Благодареніе богамъ; большинство голосовъ опредѣляетъ смерть тебѣ Сократъ; боги сами устами нашими осуждаютъ тебѣ при-

нять сигу, да смерть тебя постигнетъ.

СОКРАТЪ.

Мы всѣ смертныя; естественной предѣлъ осуждаетъ васъ всѣхъ къ смерти въ короткое время; и вѣроятно, что вы получите конецъ горчайшій моего: болѣзни умерщвляющія человѣка, гораздо болѣе скорби причиняютъ, нежели стаканъ сиги. Но между тѣмъ я почитаю себя обязаннымъ воздать хвалы судившимъ въ пользу невинности, а протчія сожалѣнія достойны.

ОДИНЪ ИЗЪ СУДЕЙ *выходя.*

Етотъ человѣкъ безсумнѣнія заслуживаетъ болѣе отъ отечества награжденія, нежели сигу.

ДРУГОЙ СУДЬЯ.

Ето правда; не чортъ ли его сорвалъ ссорится съ церериным жрецомъ?

ТРЕТІЙ СУДЬЯ.

Правду сказать, я и радъ что уморятъ хотя одного философа; ета челдть такою надуваютъ умишки свои спѣсью, что весьма нелишное несколько ошибить имъ перья.

ЧЕТВЕРТОЙ СУДЬЯ.

Господа! На одно слово: неблаговолите ли, при семъ удобномъ часѣ, къ стапѣ уже рѣшить, чтобъ переморить и всѣхъ геометровъ; кои утверждаютъ, что три угла одного треугольника, равны двумъ прямымъ? Они въ

въ ужасной соблазнъ приводятъ народъ читающїй ихъ книги.

ПЯТОЙ СУДЬЯ.

Такъ, такъ, конечно; мы подумаемъ о томъ при первомъ собранїи, а теперь пора обѣдать.

ЯВЛЕНІЕ II.

СОКРАТЪ *одинъ*.

Уже давно приготовился я къ смерти; но болѣе всего тревожитъ меня то, чтобъ Ксантиппа не пришла возмутить, послѣднихъ жизни моей минутъ, и не нарушила утѣшительнаго съ душею собесѣдованїя. О единомъ всевышнемъ существѣ подлежитъ мнѣ теперь помышлять; предъ нимъ скоро

я предстану. Но вотъ она, надобно всему себя подвергнуть.

ЯВЛЕНІЕ III.

КСАНТИППА, СОКРАТЪ *и его ученики.*

КСАНТИППА.

Ну, что, бѣдной человѣкъ; что опредѣлило съ тобою ето злое сѣмя? Заплатить пеню, или выгнать тебя осудили? Разрѣшили тебя? Боже мой! сколько ты надѣлалъ мнѣ безпокойства! Смотри же берегись впередъ, чтобъ другой разъ съ тобой того не случилось.

СОКРАТЪ.

Не опасайся, дорогая Ксантиппа, въ другой разъ етого не случится; милости просимъ, любезныя друзья.

КРИТОНЪ.

КРИТОНЪ, *первый изъ учениковъ.*

Ты видишъ насъ, и жену твою Ксантиппу, устрашенныхъ о участи твоей; мы испросили у судей позволенїе тебя видѣть. Справедливое небо! тебя ли должны мы видѣть оковами обремененнаго? Позволь чтобъ разорвали мы сїи желѣза, коимъ ты толикую жедѣлаешъ честь, какимъ стыдомъ облекаются всѣ Афины. Возможно ли, чтобъ Анитъ съ сообщниками своими повергъ тебя въ сїе состоянїе?

СОКРАТЪ.

Оставимъ сїи мѣлочи, любезныя друзья, и продолжимъ испытанїе начатое нами вчера

о безсмертіи души: помнится мы говорили, что ничего нѣтъ вѣроятнѣе, ничего утѣшительнѣе сея мысли. Дѣйствительно, вещь перемѣняется, но никогда не исчезаетъ: для чегожъ бы изчезнуть и душѣ? Возможно ли тому статься, что достигнувъ мы познанія о Богѣ сквозь мрачную завѣсу бреннаго нашего тѣла, перестали понимать его тогда, когда ниспадетъ сія завѣса? Нѣтъ, конечно, одаренныя единожды размышленіемъ, всегда размышлять можемъ: мысли наши суть наше бытіе; бытіе єто предстанетъ предъ Бога милосердаго, воздающаго за благая, наказующаго злая, и слабости прощающаго.

КСАНТИППА.

КСАНТИППА.

Ты правду говоришъ, Сократъ. Но чего хочетъ гадкой етотъ человѣкъ со стаканомъ?

Тюремщикъ приноситъ стаканъ съ сигою.

Сократъ, вотъ что посылаетъ тебѣ правосудїе.

КСАНТИППА.

Что! всеобщїй душегубъ, ты хочешъ при моемъ присудствїи отравить моего мужа? я тебѣ выцарапаю глаза, бездѣльникъ!

СОКРАТЪ.

Другъ мой, извини жену мою, она всегда бранила своего мужа, и съ тобою такъ же по-

 ступаетъ;

ступаетъ; не взыщи, прошу тебя, невоздержность ея, подай.

(Беретъ стаканъ)

ОДИНЪ ИЗЪ УЧЕНИКОВЪ.

Почто не могу я вмѣсто тебя, божественный Сократъ, поглотить сего яда! Какою гнусною несправедливостію у насъ тебя похищаютъ? Что! злодѣи осудили праваго! невѣжды торжествуютъ надъ мудрымъ! ты погибнешъ!

СОКРАТЪ.

Отнюдь нѣтъ; я перехожу только въ другую жизнь. Вотъ напитокъ безсмертія. Не бренное мое тѣло васъ любило, и преподавало ученіе, но душа моя съ вами обитала, и она навѣки любить васъ будетъ.

Хочетъ лить.

ТЮРЕМЩИКЪ.

Надлежитъ напередъ тебя расковать; таковъ есть обрядъ.

СОКРАТЪ.

Сними, ежели такъ.

Почесапъ ногу.

ОДИНЪ ИЗЪ УЧЕНИКОВЪ.

Что! ты улыбаешся, Сократъ?

СОКРАТЪ.

Я улыбаюсь размышляя, что скорбь раждаетъ удовольствіе. Такъ то бѣдность сея жизни преобращается на вѣчное блаженство.

Пьетъ.

КРИТОНЪ.

Постой, Сократъ! что ты дѣлаешь!

КСАНТИППА.

Увы! за такія то нелѣпыя брѣдни лишаютъ живота бѣднаго моего старика; ахъ, Сократъ! глядя на тебя раздирается мое сердце; своими руками передавлю всѣхъ проклятыхъ судѣй. Вотъ, другъ мой, хоть я и часто на тебя шумѣла, однако любила тебя; а учтивыя то люди тебя ядомъ отравляютъ. Ахъ, любезный мой мужъ! Ахъ! ахъ! ахъ!

СОКРАТЪ.

Успокойся, Ксантиппа, успокойся; не плачте любезныя друзья;

друзья; неприлично ученикамъ Сократовымъ слезы проливать.

КРИТОНЪ.

Возможно ли не плакать послѣ толь гнуснаго приговора, толь ложнозаконнаго душегубства?

СОКРАТЪ.

Такъ то поступлено будетъ со всѣми тѣми, кои въ единаго Бога вѣровати будутъ, кои отженятъ отъ себя суевѣріе.

КРИТОНЪ.

Увы! почто долженъ ты быть первымъ изъ сихъ несчастныхъ жертвъ.

СОКРАТЪ.

Блаженъ, кто жертвою Божества

жества стать можетъ. Я умираю доволенъ. Утѣшаюсь видя всѣхъ васъ при концѣ живота моего. Но сожалѣю, что не могу къ совершенiю моего удовольствiя въ послѣднiя обнять Софронима и Аглаю: мнѣ удивительно что ихъ здѣсь не вижу; присудствiемъ своимъ усугубили бы они прiятность моего послѣдняго часа.

КРИТОНЪ.

Увы! они еще не вѣдаютъ того, что поглотилъ ты коварство твоихъ судѣй; они просятъ народъ, умоляютъ старшинъ принявшихъ твою сторону. Аглая открываетъ злодѣйство Анитово, и стыдъ его всѣмъ скоро извѣстенъ будетъ; оба

оба они спасли бы можетъ быть жизнь твою. Ахъ возлюбленный Сократъ! почто такъ скоро устремился ты пресѣчь послѣднія твои минуты?

ЯВЛЕНІЕ ПОСЛѢДНЕЕ.

ПЕРВЫЯ, АГЛАЯ и СОФРОНИМЪ.

АГЛАЯ.

Божественный Сократъ, не бойся ничего; успокойся и ты любезная Ксантиппа; не плачте достойныя его други.

СОФРОНИМЪ.

Злодѣи наши повергнуты; весь народъ насъ защищаетъ.

АГЛАЯ.

Мы открыли и удостовѣрили всѣхъ о зависти и адскихъ замы-

замыслахъ беззаконнаго Анита: мнѣ надлежало требовать правосудія за злодѣяніе его, потому что я всего была предмѣтомъ.

СОФРОНИМЪ.

Анитъ скрылся бѣгствомъ отъ возбужденнаго народа, который на него и сообщниковъ его устремился, и торжественно воздаютъ почесть тѣмъ Судьямъ, кои въ пользу твою судили; народъ собрался къ дверямъ твоей темницы, ожидаетъ щастливаго твоего выхода, и желаетъ съ восклицаніемъ препроводить тебя въ твой домъ.

КСАНТИППА.

Увы! сколько напраснаго потеряно труда!

ОДИНЪ ИЗЪ УЧЕНИКОВЪ.

О Небо! о Сократъ! почто ты повиновался?

АГЛАЯ.

Живи любезный Сократъ, благодѣтель своего отечества, примѣръ человѣчества, живи для общаго благополучїя.

КРИТОНЪ.

Добродѣтельная чета, достойныя други, уже не время ....

КСАНТИППА.

Поздо вы пришли.

АГЛАЯ.

Что! уже поздо? Боже мой, что я слышу!

СОФРОНИМЪ.

Что! Сократъ выпилъ опредѣленный ядъ?

СОКРАТЪ.

Нѣжная Аглая, любезный Софронимъ, законъ опредѣлилъ, чтобъ я принялъ ядъ; сколь ни беззаконно сїе опредѣленїе, я повиновался, потому что одинъ я отъ того погибаю: естьли бы сїя несправедливость касалась до другихъ, я бы конечно возсталъ противу ее. Я умираю; но примѣръ дружества и великодушїя, являемый вами свѣту, не истребится никогда. Добродѣтель ваша полную получаетъ побѣду надъ злодѣйствомъ меня оклеветавшихъ. Благодарю мнимому моему нещастїю;

щастію; оно открыло свѣту все сіяніе благородныхъ вашихъ душъ. Ты, любезная Ксантиппа, пребудь благополучна; но помни, что необходимо надлежитъ укрощать свой нравъ, ежели щастлива быть хочешь. Вы вѣрныя мои спутники, слѣдуйте постоянно путемъ любомудрія, призирая гонителей, и снисходя слабостямъ человѣческимъ. Наконецъ, ты дражайшая дочь моя, Аглая . . . . . . Софронимъ . . . . . . любсзныя дѣти, будте щастливы, неразлучны.

АГЛАЯ.

Сколь нещастны мы, что не можемъ за тебя умереть.

СОКРАТЪ.

СОКРАТЪ.

Жизнь ваша драгоцѣнна; моя же бесполезна есть: примите нѣжныя, и послѣднія мои обьятія. Врата вѣчности предо мной отверзаются.

КСАНТИППА.

Какъ я подумаю, Сократъ великой былъ человѣкъ! О! пойду, и помучу всю Грецію.

СОФРОНИМЪ.

Да воздвигнемъ Сократу храмы, есть ли достоинъ того смертный.

КРИТОНЪ.

Или покрайней мѣрѣ да научимся изъ мудрыхъ примѣровъ сего человѣка, что единому Богу должны мы храмы созидать.

КОНЕЦЪ.